

КОРЕШОВ Георгий Михайлович (1913–1943)

Родился во Владивостоке в 1913 г. Рано начал трудовую жизнь. В 1928–1929 гг. работал разносчиком краевой газеты, учеником корректора. В 30-е гг. появились его первые публикации в газетах. Несколько лет был матросом на разных судах Совторгфлота и Дальгосрыбтреста. В 40-е гг. работал в газете «Красное знамя» и литсотрудником на краевом радио, мечтал стать писателем. Его стихи печатались в газетах «Красное знамя», «Боевая вахта», «Тихоокеанский комсомолец». В 1939 г. журнал «Молодая гвардия»

опубликовал цикл его «Песен моряка». В первые дни Великой Отечественной войны Г. Корешов добровольцем ушел на фронт. Между боями писал стихи. Как сказано в извещении вонкомата матери поэта: «...красноармеец Корешов Георгий Михайлович, уроженец г. Владивостока, в бою за социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив героизм и мужество, был ранен и умер от ран 26 мая 1943 года. Похоронен с отдаванием воинских почестей на ст. Орловская Ростовской области, юго-восточный сектор местного кладбища».

Наш летчик просто разрешил вопрос,

Когда не стало пуль для пулемета:
Пропеллером он аккуратно хвост
У вражеского срезал самолета.

Артиллерист, когда в советский тыл
Прошли фашистские бронемашины,
Прямой наводкой их распотрошил:
Не сыщешь ни водителя, ни шины.

А пехотинец, встретившись с врагом,
Загородил ему штыком дороги.
Кто землю нашу топчет сапогом, —
В бою всегда протягивает ноги...

Смотрел вчера я пристально на запад,

Зажав в руке оранжевый цветок.
Но не таежных лилий сладкий запах
Ко мне принес вечерний ветерок.
Мне запах пороха примчал он издалека
Напоминая грозным о войне.
По темным сопкам Дальнего Востока
Один бродил я долго в тишине.
Я проходил зимовий старых мимо,
Не видя в окнах маленьких огня.

Казалось мне: бесшумно и незримо
Сопровождают спутники меня.
Простор долин сменили косогоры,
А мы в ночной июльской полумгле
Неутомимым двигались дозором
По дорогой и ласковой земле.
Мы знали: каждый кустик над протокой
Оберегать в глухую ночь должны.
На склонах сопот Дальнего Востока
Мы ощущали запахи войны.
Нас волновал колосьев тучный шорох
И злил порой беспечный светлячок.
Вдали лежал укрытый тьмою город –
Таким он был в часы ночных тревог.
В нем каждый дом был крепостью, кордоном,
И если там, на западе — гроза,
Я не один – десятки миллионов
Во тьму вперяют пристально глаза.
Июль 1941

В СЫРУЮ ПОЛНОЧЬ

Сырая, холодная полночь,
И ветер свистит, и в залив
Врываются пенные волны,
Свои гребешки заломив...

Приказ был простой и короткий
(Так в море всегда говорят) –
И вышли подводные лодки
Из гавани в Энский квадрат.

Сигнальщики пристальным взглядом
Буравят соленую тьму, –
И враг обнаружен, он рядом,
И встреча готова ему.

...Качается транспорт. В дозоре
Эсминцы чужие видны.
И гонит свинцовое море
За ними свои буруны.

Зовет боевая тревога –
Настойчивый голос звонка.
У нас водяная дорога
Для банды фашистской узка.

Врагам не избежать расплаты, –
Мы встали у них на пути.

Бесславно погибнут пираты,
От нас им теперь не уйти.

Убийцы и воры получают,
Что им причиталось давно:
Теряя и ход и плавучесть,
Нырнут безвозвратно на дно.

Бесшумно к разбойничьей стае
Подлодки подходят, и вслед
Фашистским судам выпускают
Каленые стрелы торпед.

...Приказ был простой и короткий.
Он выполнен точно и в срок.
С победой советские лодки
Уходят домой, на восток.

ТРЕВОГА

Пыля по тропам и дорогам,
Я в сердце чувствовал одну
Мне непонятную тревогу,
Как будто шел я на войну.

Гул океанского прибоя
Воспринимать я был готов,
Как отзвуки морского боя,
Как песню пушечных стволов.

В тайге, от цепкого мороза
Зарывшись с головою в снег,
Я думал: так от бомбовоза
Таится, верно, человек.

Ночами я в своей квартире
Стихи пишу средь тишины,
И, думая о шумном мире,
Я слышу грозный шаг войны.

Когда по боевой тревоге
Придется взять винтовку мне,
Я знаю: вспомню на пороге,
Что в жизни был, как на войне.

Январь, 1941

БОЕЦ

Воды остался лишь глоток
В его пробитой пулей фляге.
Уже под утро он залег
За обомшелым пнем в овраге

Кипела ярость в голове,
И воля к жизни – тверже стали,
Но к окровавленной траве
Бессильно руки прилипали.

Он обнял землю. Землю-мать.
Свою. Любимую. Родную.
В бою не страшно умирать,
Имея родину такую...

...Под буйство стали и свинца,
Отбив окоп свой в контратаке,
Нашли товарищи бойца
За обомшелым пнем в овраге.

Боец недвижим был. Но вдруг
Всем показалось на мгновенье,
Что вместе с ними мертвый друг
Готов, как прежде, в наступленье.

Он в обескровленных руках
Держал винтовки ствол и ложе.
Не мог он смирно спать, пока
Не будет немец уничтожен!..

БЛОКНОТ

В тот день он записал в блокнот
Лишь три коротенькие строчки:
«Переходили речку вброд.
На ивах лопаются почки.
Жизнь пробуждается кругом»...

Всю мысль не вылив на бумагу,
Через минуту он с полком
Ушел в последнюю атаку.

И просмотрев в немой тоске
Блокнот приятеля-связиста,
Прочел я на одном листке:
«Меня считайте коммунистом» ...

1941

ЗВЕРОБОЙ

С бойцами он отправился на Запад,
Мы с ним расстались в пору летних гроз.
С собою он тайги любимый запах
И мужество охотника увез.
И там, в дыму и в громе жарких схваток,
Он ощутил в крови знакомый пыл.
Но перед ним не тигр и не сохатый, –
Двуногий зверь в броню одетый был.
И по привычке старой зверобоя
Не тратит зря он боевой запас:
Мой друг вбивает твердою рукою
Врагу, как зверю, пули прямо в глаз!
В красноармейском теплом полушубке
Тропой военной смелый друг идет,
И на ружье не делая зарубки,
Убитым немцам длинный счет ведет.
Он знает, что на Западе воюя
И нанося удары по врагу,
Он защищает родину святую,
Любимую приморскую тайгу.

ФОТОКАРТОЧКА

Вновь смотрю на это фото,
Рыжий чуб свой теребя,
Слышу хохот пулемета,
Вижу, милая, тебя.

Ты надела, боевая,
Бескозырку и бушлат,
И, тихо напевая,
В ночь дождливую ушла.

Ты ушла с врагами драться,
Как ушел твой старший брат.
Было лет тебе семнадцать,
Очень шел тебе бушлат.

Отходили от вокзала,
Громыхая, поезда.
Ты мне слова не сказала,
Не промолвила тогда

Не свожу я глаз с портрета,
Жду, дыханье затая.

Ну, откликнись, слышишь, где ты?
Где ты, девушка моя?

Может, сбила бескозырку
С головы твоей шрапнель,
Иль в бушлате черном дырку
Просверлил горячий шмель?

Заметал буран свинцовый
Все пути родной земли.
И хотя мы дали слово, —
Повстречаться не смогли.

Ты была моим героем,
Светлый друг моей мечты,
В каждой девушке, не скрою,
Узнаю твои черты...

Ты жива. Ты водишь поезд,
У вагранки плавишь медь
Иди, может быть, на полюс
Собираешься лететь!

Много лет я жду ответа,
Я объездил все края.
Ну, откликнись, слышишь, где ты?
Где ты, девушка моя?

У ВОЛОЧАЕВСКОЙ СОПКИ

Здесь проливали кровь отцы.
Недаром
Меня волнует этой сопки вид.
С винтовкою, поднятой для
удара,
На ней боец в буденновке
стоит.
Изваянный из светлого
металла,
Он виден далеко по сторонам,
Чтоб о боях былых
напоминала
Его фигура грозовая нам.
Вдали колосья шевелят усами,
Лежат просторные колхозные
поля —
Возделанная нашими руками
Таежная амурская земля.

Там целый день крылами
жнейки машут,
Им золотая кланяется рожь.
По звонким песням узнаю
я нашу,
Трудом прославленную
молодежь.
Ей боевые песни петь
не ново,
Но нынче в песнях чаще мне
слышны
Слова о нашем времени суровом,
О днях освободительной войны.
Жестокий враг, сжигая наши
села
И разрушая наши города,
Гуляет не на пиршестве
веселом —
Костями ложиться в землю
навсегда.
И верю я: настанет час тот
скоро, —
За причиненное народу зло:
За бомбы, сброшенные в мирный
город,
За опозоренное мирное село
Враг захлебнется в море черной
крови —
Таков фашистских варваров
удел.
Мы в поле, как и в доте,
наготове, —
Здесь также враг берется
на прицел.
И каждый здесь готов с врагом
сразиться
За край родной, за счастье свое.
Мы свято чтим великие
традиции
Морозных волочаевских боев.
О них мы вечно помним.
И не даром
Меня волнует этой сопки вид:
С винтовкою, поднятой для удара,
На ней боец в буденновке стоит.